

Ростовская Мария Федоровна

Крестьянская школа

Повесть для детей. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Федоровна Р.**
Крестьянская школа: Повесть для детей. Часть 1 / Ростовская Мария Федоров-
на – М.: Книга по Требованию, 2022. – 351 с.

ISBN 978-5-519-83540-4

ISBN 978-5-519-83540-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КРЕСТЬЯНСКАЯ ШКОЛА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СЕЛО ВЫСОКОЕ.

Добрый человекъ. — Понятіе о Богѣ и природѣ.

За полторы тысячи верстъ отъ Петербурга, на Волгѣ, на нагорной ея сторонѣ, раскинуто село Высокое, — красивое и богатое.

Главная, впрочемъ, его краса, это — большая каменная церковь, во имя Казанской Божіей Матери, а его богатство — отличная черноземная почва, на которой все, что ни посадишь, изобильно родится.

Тому года два, въ самое половодье, въ половинѣ мая, пароходъ остановился подъ горою; тогда подъѣхала къ нему рыбацья лодка, въ нее прыгнулъ какой-то господинъ и, черезъ минуту, лодочка причалила къ берегу. Ребятишки играли въ кучкѣ, тутъ же, на пескѣ.

— Никакъ, къ нашему попу гость пріѣхалъ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И то гость, подхватили другіе.

Въ это время, по крутой дорогѣ въ гору, тихо поднимался барпнъ; онъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, худощавый, высокаго роста,

скромно одѣтый, въ сѣрой круглой шляпѣ; на видѣ, его старикомъ называть было нельзя, а длинные усы и длинные волосы, выходившіе изъ-подъ шляпы, были совершенно сѣдые, какъ серебро.

Онъ несъ подъ мышкой свернутый дождевой зонтикъ и небольшой

чемоданчикъ, а въ правой рукѣ держалъ палку, на которую опирался, поднимаясь въ гору.

Погода была ясная, веселая. Дѣти полюбопытствовали, вскочили съ песчаннаго берега, на которомъ строили что-то изъ щепочекъ, и издали бѣжали за прїѣзжимъ, откуда онъ дѣйствительно не вошелъ въ домъ священника.

— Я говорилъ—къ попу, замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Къ попу, такъ къ попу, а намъ какое дѣло.

И ребяташки снова отправились подъ гору, ближе къ водѣ.

Кто былъ прїѣзжій,—врядъ ли и теперь кто-нибудь знаетъ.

Онъ вошелъ къ священнику и попросилъ отпереть ему церковь.

Священникъ поспѣшилъ исполнить его просьбу, — взялъ ключи и они пошли вмѣстѣ.

Прїѣзжій былъ задумчивъ; онъ вошелъ въ церковь, помолится, приложится къ образамъ, и тутъ же сказалъ, что тридцать пять лѣтъ не былъ въ Высокомъ.

Потомъ, поблагодаривъ священника, отправился одинъ на сельское кладбище. Долго по цемъ ходилъ, какъ-будто присматриваясь къ мѣстности,—все чего-то искалъ глазами; увидѣвъ на концѣ между кустовъ почти заросшій круглый большой камень, сталъ на колѣни, поднявъ глаза къ небу, перекрестился, потомъ припалъ къ камню грудью,—и если бы кто-нибудь былъ по близости, то вѣрно бы услышалъ, что онъ тяжело вздохнулъ и едва ли не заплакалъ.

Минутъ черезъ десять, онъ приподнялся, сѣлъ на камень и обратился къ рѣкѣ. Кладбище было въ полгоры и видъ съ него разстилался прекрасный.

Глаза прїѣзжаго были красны. Онъ снялъ шляпу и, вмѣстѣ съ палкой, положилъ у своихъ ногъ. Потомъ облокотился на руку и задумчиво сталъ глядѣть въ даль.

На добромъ лицѣ его былъ живой отпечатокъ какой-то заду-

шевной думы: видно было, что онъ смотритъ далеко, а вблизи ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ.

Вечеръ былъ такой дивный, теплый, золотой. Курчавыя, бѣлыя облачка, точно барашки, гуляли по голубому небу; озаренныя лучами вечерняго солнца, они какъ-будто бѣжали за гору домой, и по спинкамъ ихъ ложился нѣжный розовый цвѣтъ. И стадо казалось такое большое, большое, что и конца ему не было видно.

Рѣка, какъ широкая золотая поляна, раскинутая подъ горою, лежала неподвижно. Тишь была совершенная, а если бы бросить щепочку, щепочка всетаки поплыла бы шибко внизъ, несмотря на то, что вода какъ-будто ни одной струйкой не колыхалась.

Что думалъ нашъ пріѣзжій, Богъ его знаетъ: онъ никому и послѣ того не рассказывалъ,—но вѣрно думалъ что-нибудь благое. Глаза его, поднятые кверху, были полны кроткаго, теплаго выраженія, все лицо сіяло спокойствіемъ, и начертанная на губахъ добрая улыбка какъ-будто высказывала, что на душѣ у него было свѣтло и радостно. Онъ сидѣлъ одинъ одишечекъ, но видно было, что онъ о комъ-то миломъ думалъ. Видно было, что могилка подъ его ногами была ему не чужая.

Надо предполагать, что тутъ лежалъ кто-нибудь близкій и дорогой его сердцу, и что, вспоминая о немъ, онъ какъ-будто его слушалъ, и хотя и безъ словъ, но съ замѣтною любовью радовался, что Богъ его опять привелъ къ родимому мѣсту.

Все это живо рисовалось на его лицѣ.

Онъ цѣлый часъ просидѣлъ на камнѣ, потомъ всталъ, поклонился до земли и пошелъ большою дорогою въ село.

Когда онъ возвратился къ священнику, то засталъ его съ семействомъ за самоваромъ.

— Не угодно ли вамъ чаю? Мы ужъ и поужинали,—да сегодня день постный, такъ хозяйка подумала, что лучше васъ чаемъ попотчевать, сказалъ священникъ.

— Очень вамъ благодаренъ, батюшка; я безъ чаю, какъ безъ хлѣба, жить не могу, и теперь выпью съ большимъ удовольствіемъ, стаканчикъ, а покуда мы и потолкуемъ о дѣлѣ. Позвольте спросить, батюшка, ваше имя?

— Меня зовутъ Андреємъ;—вотъ пятый годъ, что живу, благодаря Бога, здѣсь въ селѣ покойно и счастливо. А вы откуда изволили пожаловать?

— Я изъ Петербурга. Хочу здѣсь поселиться и буду васъ просить, отецъ Андрей, помочь мнѣ...

— А чѣмъ именно? спросилъ священникъ.

— Нельзя ли мнѣ здѣсь нанять избу, покуда свою не поставлю?

— Это трудно: вамъ съ непривычки въ крестьянской избѣ покажется и душно, и грязно... да и живутъ они тѣсно... вездѣ народу биткомъ набито.

— На лѣто, я думаю, можно было бы и въ амбарѣ устроиться, замѣтила попадья; — а къ осени всегда и новая изба поспѣетъ. Коли вамъ не нужно обширное помѣщеніе, амбары есть совсѣмъ новыя.

— Я одинъ,—поэтому мнѣ нуженъ небольшой уголъ, — и въ чистомъ амбарѣ мнѣ очень будетъ хорошо.

— Оно и правда; великимъ постомъ только, никакъ, амбары у насъ и поставлены, и зерна хлѣба еще въ нихъ не бывало, значить, ни мышей, ни крысъ не водится, и будетъ вамъ покойно. Если угодно, я завтра у крестьянъ все разспрошу и дамъ вамъ отвѣтъ.

— Благодарю васъ.

— Позвольте же мнѣ узнать съ кѣмъ я имѣю удовольствіе бесѣдовать?

— Меня зовутъ Михайломъ Васильевичемъ Рыбниковымъ.

Приѣзжій ничего болѣе не сказалъ, да и священникъ, чтобы ему не наскучить лишними разспросами, замолчалъ.

Хозяйка сама разливала чай, такъ опрятно: салфеточка на столѣ лежала толстая, но чистая, самоваръ какъ жаръ горѣлъ, и паръ бѣлыми клубами тянулся въ отворенное окошечко.

За столомъ, кромѣ священника съ женою, сидѣло трое дѣтей: дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, мальчикъ — шести и другой четырехъ лѣтъ — не болѣе.

Они смиренно слушали, о чемъ большіе разговаривали, и не мѣшали никому ни словомъ, ни движеніемъ.

— Паша, подай изъ шкафа ножикъ, сказалъ отецъ.

Дѣвочка проворно исполнила его приказаніе.

— Никакъ у васъ дѣтокъ троечка? спросилъ Михайло Васильевичъ.

— Четвертый въ колыбелькѣ. Слава Богу, всѣ четверо дѣти здоровые.

— Ваня ужъ читаетъ, сказала попадья.

— А который ему годъ?

— На Пасхѣ минуло шесть лѣтъ.

— Не рано ли вы его присадили къ азбукѣ?

— Самъ просить, съ добродушною улыбкою отвѣчалъ священникъ: — а мы и рады...

— Нѣтъ, продолжалъ пріѣзжій, рано, вѣрьте, что рано, — не будетъ тутъ толку. Пусть лучше еще годика два растетъ на свободѣ и тѣлесно укрѣпляется. Ученье не игрушка, а на дѣло и силы нужны.

— Вотъ, Пашу не учимъ, она только по хозяйству помогаетъ, замѣтила мать: — Дѣвочкѣ начто знать грамоту?

— Развѣ дѣвочка и мальчикъ не равно Божіе созданье? спросилъ Михайло Васильевичъ: — развѣ она не тотъ же человекъ? А что же такое и грамота, или ученье? Только лучшій и легчайшій способъ знать повелѣніе Божіе, — знать, что худо, что хорошо. Съ помощію книгъ, — поэтому, съ помощію людей умныхъ, которые

ихъ сочиняли, легче разсматривать ближе все видимое, созданное премудростію Божіею. Развѣ это все не точно такъ же полезно и отраднo, какъ дѣвочкѣ, такъ и мальчику?

Паша устремила свои глаза на пріѣзжаго и не сводила съ него взгляда—сердчишко ея безсознательно понимало, что въ его словахъ было живое желаніе и для нея свѣта и пользы.

— Вы совершенно правы, Михайло Васильевичъ, отвѣчалъ священникъ: — но подумайте только сами, какое у насъ затрудненіе въ книгахъ! ужь не то, что для ребятинекъ, и самому иногда такъ хочется почитать, а гдѣ ихъ взять? Да и дороги онѣ очень нашему брату; съ четырьмя дѣтьми нельзя бросать рублями. А какую же вы книжку дешевле рубля купите?

— Надо надѣяться, что за это дѣло теперь ревностно взялись, и что книги для народа будутъ дешевле. Первое начали съ Святаго Писанія. Теперь Евангеліе можно получить за гривенникъ.

— Слава Богу, отвѣчалъ священникъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. — Да благословитъ Богъ тѣхъ, кому пришла эта благая мысль! Онъ перекрестился.

— Какой славный у васъ чай, замѣтилъ Михайло Васильевичъ попадѣ, по минутномъ молчаніи.

— Это вы нагулялись, такъ вамъ и кажется, что онъ хорошъ, отвѣчала она скромно:—чай обыкновенный, фамильный.

— А какъ зовутъ вашихъ сыновей? продолжалъ спрашивать пріѣзжій, видя, что дѣти съ большимъ любопытствомъ на него смотрѣли.

— Старшій Иванъ, второй Михайло, а маленькій Алексѣй.

— Такъ ты мнѣ теска, замѣтилъ Михайло Васильевичъ, ласково протягивая руку мальчику, который, подперши локоткомъ пухленькую щечку, совсѣмъ запутался маленькой рученкой въ прекрасныхъ русыхъ кудряхъ.

Сперва мальчикъ поглядѣлъ на пріѣзжаго съ какимъ-то испу-

гомъ, даже попятился немного назадъ, но черезъ минуту, какъ-будто невольно, повинуясь какой-то притягивающей силѣ, поднялъ обѣ ручки и тихо къ нему потянулся.

— Поди ко мнѣ, Миша, поди, милый мальчикъ, сказалъ Михайло Васильевичъ, цѣлуя ребенка. Онъ взялъ его на руки, посадилъ на колѣна, выпулъ свои серебрянные часы, съ цѣпочкой и печатью, и положилъ все это передъ нимъ на столѣ.

Ребенокъ съ радостію принялся разглядывать невиданныя имъ вещи, и старшіе дѣти съ неменьшимъ любопытствомъ поближе подѣли къ гостю.

— Они васъ беспокоятъ? спросила мать.

— Нисколько, я дѣтей люблю, отвѣчалъ гость, прижимая къ себѣ Мишу.

— Гдѣ же бы мнѣ почевать? спросилъ Михайло Васильевичъ:— Здѣсь нѣтъ ли какого-нибудь постоялаго двора?

— Нѣтъ никакого! Михайло Васильевичъ, да не угодно ли остаться у меня? Въ этой горницѣ никто не спитъ, и все такъ чистенько. Надѣюсь, что здѣсь никто васъ беспокоить не будетъ. А между тѣмъ, мы завтра похлопочемъ, чтобы устроить вамъ поудобнѣе помѣщеніе.

— Премного благодарю васъ, отецъ Андрей, за доброе предложеніе. Если случится, съ радостію и я вамъ услужу, а покуда примите хотя изустную благодарность.

На другой день, когда въ домѣ священника всѣ встали, Михайла Васильевича въ горницѣ не было: онъ вмѣстѣ съ солнцемъ вышелъ въ поле и, гуляя по горамъ и оврагамъ, знакомился съ давно забытою мѣстностію.

Въ этотъ же день отецъ Андрей устроился съ старостой на счетъ новаго его амбара и за недорогую цѣпу—два рубля серебромъ. Всѣ лишнія вещи были изъ него вынесены, и вновь пріѣзжій баринъ пошелъ самъ прибирать свое новое жилище. По случаю

разлива, вода подходила къ амбару близехонько, но это-то особенно и нравилось новому постояльцу.

На двухъ козлахъ настлали доски, и вышла кровать. Ни стола, ни стульевъ не было; но все это со временемъ должно было устроиться помаленьку, и Михайло Васильевичъ не показывалъ ни малѣйшаго нетерпѣнія. Въ этомъ неприветливомъ помѣщеніи зажилъ онъ тихо и смирно.

Вообще, скоро въ селѣ всѣ къ нему приглядѣлись. Онъ всегда былъ занятъ, всегда что-нибудь дѣлалъ, а въ часы отдыха и свободы его любимымъ обществомъ были дѣти.

Онъ по цѣлымъ часамъ съ ними не разставался. Часто къ нему приставали и подросточки, и бесѣда тогда была и разумная, и дѣльная. Онъ никогда не скучалъ ихъ вопросами, всегда отвѣчалъ на нихъ ясно и добросовѣтно, и никогда ихъ не обманывалъ, будучи увѣренъ, что какъ ребенокъ ни малъ, по правду всегда ему легче понять, чѣмъ ложь.

Иногда ходилъ онъ вмѣстѣ съ ними удить рыбу, или въ лѣсъ и по горамъ,—и ребятишки до того его полюбили, что едва только издали завидятъ, какъ бѣгутъ кучею, окружаютъ его и спрашиваютъ—куда онъ идетъ?

Они его прозвали, за совершенно сѣдые его волосы, дѣдушкою, и это прозваніе сдѣлалось общимъ.

Когда случалось Михайлу Васильевичу лазить съ дѣтьми по оврагамъ, то, несмотря на его сѣдины, онъ былъ чрезвычайно ловокъ и проворенъ, такъ что ребятишки отъ него часто отставали. Поэтому одинъ разъ Ваня, сынъ священника, спросилъ его съ удивленіемъ:

— Дѣдушка, отъ чего ты такой приткой?

— Отъ того, что я себя не балую, отвѣчалъ Михайло Васильевичъ.

— Отъ чего же ты такой сѣдой?

— Отъ того, видно, чтобы вы всё меня, какъ дѣдушку, любили.

— Мы тебя и такъ любимъ, сказали нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

— Спасибо, дѣти,—да вѣдь и я васъ люблю; оно и выходитъ, что долгъ платежемъ красенъ.

Когда по вечерамъ онъ выходилъ изъ своего амбара, гдѣ постоянно у окошка что-то писалъ и читалъ, тогда обыкновенно собиралъ дѣтей около себя и садился на порогъ своего домишка, рассказывая имъ что-нибудь занимательное. Дѣти, сидя у него въ ногахъ, слушали его съ невоображаемымъ вниманіемъ.

Ихъ занимали всё его рассказы. У Михайла Васильевича голосъ былъ звучный, но чрезвычайно мягкій, онъ прямо шель въ душу; къ тому же, онъ говорилъ просто, ясно, всегда находилъ случай затронуть сердца своихъ слушателей, и они, сами того не замѣчая, прививались къ нему невидимою какою-то силою, которая со дня на день крѣпче связывала учителя съ учениками.

Какъ-то одинъ разъ, когда они гуляли, онъ спросилъ у нихъ: хотятъ ли они учиться азбукѣ?

Иные молчали, опутивъ голову и глаза; другіе, не отвѣчая на вопросъ, поглядывали по сторонамъ, и ни одинъ не сказалъ ни слова.

— Что же вы молчите? спросилъ онъ опять ласково.

— Нѣтъ, сказалъ рѣшительно одинъ смѣльчакъ:—азбуку учить не хотимъ.

— Значить, еще рано, подумалъ про себя Михайло Васильевичъ.— Не хотите, такъ и не надо, отвѣтилъ онъ вслухъ — васъ никто не принуждаетъ; будете поразумнѣе—сами придете просить, чтобы васъ учили.

— Да что же въ ней, въ азбукѣ-то? спрашивали дѣти.

— Какъ что? Азбука значить буквы, а изъ буквъ слагаются